

Небо над Линьчжоу девять дней из десяти заволакивали тучи, скрывая луну. Ночной мрак, впрочем, разгоняли фонари, горевшие по углам двора от заката до рассвета.

Сквозь узкую оконную щель Ли Мэн отчётливо видел Чжао Лои. Тот стоял в углу двора, под деревом, рядом с простой подставкой. Поставив на неё переносной фонарь, мужчина принялся развязывать завязки халата.

Ли Мэн невольно отпрянул.

«Наверное, подглядывать нехорошо...» — подумал он.

Но любопытство быстро взяло верх, и он снова прильнул к окну. Шпионство будоражило кровь. Человеку вообще свойственно искать острых ощущений, особенно когда объект его тайного созерцания — такой статный, безупречно сложенный воин.

Мягкий свет фонаря омывал сильное мужское тело, сглаживая резкие очертания. Крупные капли воды скользили по широким плечам, струились вдоль рельефных рук к поджарой талии, упругим бёдрам и сильным ногам.

Чжао Лои стоял полубоком, и его силуэт казался невероятно притягательным. В этом зрелище крылся не только соблазн, но и какая-то манящая тайна. В конце концов, каждую ночь под одним одеялом они проводили в кромешной тьме, и Ли Мэн ещё никогда не видел наставника так отчётливо. На расстоянии даже многочисленные шрамы на его коже подёрнулись дымкой ночной эстетики, превращаясь в причудливый узор.

Мужчина зачерпнул воду деревянным ковшом, небрежно облился с плеч, а затем растёр по медовой коже мыльную пену.

Его мужская плоть, налившаяся силой, мерно покачивалась в такт движениям рук.

Ли Мэн во все глаза смотрел на эту картину, чувствуя, как лицо заливают густая краска, а в горле мгновенно пересыхает.

Но тут Чжао Лои словно невзначай скользнул взглядом в сторону окна. Испугавшись, Ли Мэн оступился. Ноги подкосились, руки ослабли, и он с грохотом повалился на пол, опрокинув табурет. В ночной тишине этот шум показался ему оглушительным взрывом. Чертыхаясь про себя, он торопливо вскочил, вернул табурет на место и скользнул под одеяло, зажмурившись изо всех сил.

Перед глазами против воли вставал образ обнажённого Чжао Лои, а в памяти всплывали картинки из тайного свитка с причудливыми, искусно прорисованными позами совокуплений. Ли Мэн даже пожалел, что тогда от стыда не пролистал книгу дальше — вдруг там были варианты и не столь пугающие? Мысли его неслись вскачь, безжалостно растаптывая робкие

чувства, что успели расцвести в его душе за время их недавней близости.

«Как вообще можно использовать это подобным образом? — недоумевал он. — Это же верная смерть... Немыслимо!»

Ему стало невыносимо жарко. Ли Мэн откинул одеяло, заворочался с боку на бок, тоскливо переводя взгляд со свода балдахина на оконные переплёты. Помучившись так какое-то время, он уловил шаги возвращающегося Чжао Лои и спешно замер, раскинув руки и ноги «звездой» и притворившись спящим.

В полумраке комнаты шорох ткани возвестил о том, что наставник набросил халат на мокрую спину. Ли Мэн, приоткрыв глаза на едва заметную щёлочку, смотрел на его силуэт, чувствуя, как внутренний жар наконец утихает.

Чжао Лои лёг в постель. На мгновение он замер, словно сомневался, но затем опустил руку. Почувствовав рядом тепло, Ли Мэн по привычке потянулся к нему во сне. Мужчина послушно вытянул руку, позволяя юноше устроиться на плече.

Мерное дыхание засыпающего наставника дарило чувство глубокого покоя. Ли Мэн прижал ладонь к его груди — кожа Чжао Лои после холодного купания казалась прохладной, но постепенно они согревали друг друга.

\*\*\*

На следующее утро, задолго до рассвета, Чжао Лои бесцеремонно стащил Ли Мэна с постели и помог ему одеться.

Сонный Ли Мэн сидел у стола, вяло потягивая чай, когда за стеной раздался приглушённый стук. Наверняка наставник пошёл будить Ван Ханьчжи.

Слуги уже накрывали на стол во внешней комнате. Вскоре на пороге появился Ван Ханьчжи — он на ходу завязывал пояс, а его лицо всё ещё горело смущённым румянцем.

Чжао Лои в это время собирал вещи в спальне. Заметив что-то среди пожитков, он на секунду нахмурился, а затем оглянулся. Ли Мэн сидел у стола, уперев подбородок в столешницу подобно сонному зверьку, а круглолицый Ван Ханьчжи стоял рядом с самым потерянным видом. Чжао Лои молча сложил несколько книг стопкой, а одну из них — ту самую, с пикантными картинками — обернул чистым листом бумаги и спрятал на самое дно дорожного мешка.

— Поедим, и я пойду попрощаюсь с маркграфом Цзинъяном. Сразу после этого уезжаем в Жуйчжоу, — Чжао Лои говорил ровно, не сводя глаз с Ван Ханьчжи.

— Я еду с тобой, — кивнул юноша.

Чжао Лои раздал им палочки для еды.

— Вчера тебя опознал Цай Жун, — продолжил он. — Он наверняка потребует у семьи Чэнь объяснений. Лекарь Цюй действительно существует, и у него действительно был младший сын, умерший в младенчестве. Об этом знали только сам лекарь и его супруга. С ними уже обо всём договорились, так что об этой стороне дела можешь не беспокоиться. Скажи лучше, насколько хорошо ты разбираешься в медицине?

— На досуге почитывал кое-какие трактаты, да и отец порой рассказывал... Но за лекаря я сойти не смогу, — замялся Ван Ханьчжи.

— Экзаменовывать тебя никто не станет, — отрезал Чжао Лои. — Но на всякий случай я дам тебе в дорогу пару книг. Вызубри их так, чтобы от зубов отскакивало. Для твоего возраста неумение врачевать — дело естественное, но если ты даже базовых трактатов процитировать не сможешь, это вызовет подозрения.

Чжао Лои очистил варёное яйцо и положил его в чашку Ли Мэна. Затем снова пристально посмотрел на Ван Ханьчжи:

— И хорошенько подумай вот о чём: если решишь идти за мной, твои руки больше никогда не будут чистыми.

— У него они тоже в грязи? — Ван Ханьчжи кивнул в сторону Ли Мэна.

— Он — другое дело. Он не принадлежит к миру цзянху.

Ли Мэн хотел было вставить слово, но встретил предостерегающий взгляд наставника и послушно прикусил язык, продолжив ковырять яйцо палочками. Желток он незаметно отдал чёрному коту, крутившемуся у ног.

— Понятно, — буркнул Ван Ханьчжи.

В его чашке тоже откуда-то появилось яйцо. Юноша раздражённо ткнул в него палочкой, так что желток брызнул в стороны.

— А когда этот старик Цюй помрёт, мне придётся хоронить его как сына?

— У него трое сыновей и дочь, так что обойдётся без твоих сыновних слёз, — отозвался Чжао Лои. — В дороге я дам тебе его семейное древо, выучишь наизусть. И запомни: с этой секунды ты больше не Ван Ханьчжи. Вбей себе это в голову.

— Да... Отныне я Цюй Линьхань, — понурился тот, но тут же попытался приободриться. — А ты... возьмёшь меня в ученики?

— Обсудим это, когда вернёмся в Башню Десяти Направлений. Я не терплю пустой болтовни, — отрезал Чжао Лои. — В Жуйчжоу все будут знать тебя как младшего сына лекаря Цюя. Сам старик — мой старый друг, когда-то спасший мне жизнь. Якобы в его семье случилась беда: его младший сын лицом точь-в-точь походил на опасного государственного преступника, из-за чего парню пришлось бежать. Вот лекарь и вверил тебя мне под опеку, пока всё не утихнет.

Только к концу этой тирады Цюй Линьхань сообразил, что вся история — чистой воды выдумка.

— Ты даже своим людям соврёшь? Разве они тебе не названные братья? — удивился юноша.

— Тебе сказано делать — делай, — не терпящим возражений тоном закончил Чжао Лои и велел обоим поторапливаться с завтраком.

\*\*\*

Тем временем слуги, разносившие завтрак в восточное крыло, доложили обо всём наложнице Му. Му Цайтан поспешила сообщить новости Хо Ляньюню. Тот неохотно открыл глаза, велел подать воды для умывания и переодеться. Пока они ожидали прихода Чжао Лои в гостиную, наложница Му принесла чай, поставила пиалу на столик и принялась молча растирать тушь на тушечнице.

Хо Ляньюнь откинулся на спинку кресла, прикрыв глаза.

— Цай Жун уже почуял неладное. Почему бы просто не отдать ему этого мальчишку? — вкрадчиво спросила Му Цайтан. Её певучий голос мог укротить любую тревогу.

— Возможно, у него есть то, что мы ищем, — отозвался Хо Ляньюнь, не открывая глаз. — Если малец окажется бесполезным, пусть катится в свою Башню Десяти Направлений, мне не жалко. Но если в нём есть толк... Я наблюдал за ним всю дорогу. Пытать его — дело неблагодарное, он упрям и правды под кнутом может не сказать. Зачем усложнять себе жизнь, если можно просто позволить событиям идти своим чередом, а потом забрать готовое?

На лице Му Цайтан отразилась мимолётная тревога:

— Лишь бы тётушка Чэнь случайно не проговорилась.

Хо Ляньюнь замолчал, мерно постукивая пальцами по столу. Подумав, он приказал:

— Как только Чжао Лои уедет, передай генералу Чэнь Шо, чтобы явился ко мне сегодня

вечером.

— Будет исполнено, — послушно кивнула наложница.

Услышав шаги во дворе, она замолчала и зашла за спину хозяина, принимаясь привычными движениями разминать ему плечи.

Едва слуга доложил о прибытии, на пороге кабинета возник Чжао Лои. Проходя внутрь, он бросил мимолётный взгляд на Му Цайтан.

— Свободна, — негромко бросил Хо Ляньюнь.

Му Цайтан поклонилась обоим мужчинам и бесшумно покинула кабинет. Выйдя во двор, она заметила двух юношей, сидевших у каменного стола под раскидистым деревом. Один из них, ученик Чжао Лои, баюкал на руках чёрную кошку, вторым же был беглец из Поместья семьи Ван.

Заметив наложницу, Ли Мэн вспомнил слова наставника: эта женщина куда опаснее, чем даже взбалмошная Сяо Чанчу. Он приветливо улыбнулся и, перехватив лапку чёрной кошки, помахал ей в знак приветствия.

Му Цайтан кокетливо прищурилась, одарив его чарующей улыбкой, и её нежно-сиреневое платье скрылось за поворотом крытой галереи.

— Вечно ты заигрываешь со всеми подряд, — недовольно проворчал Цюй Линьхань. — Неужто не знаешь, что красивым женщинам верить нельзя?

Ли Мэн почему-то сразу вспомнил милашку Тао-эр из Цияна. Хмыкнув, он достал из кармана вышитый мешочек, выудил оттуда крошечного нефритового Будду и покрутил перед носом приятеля:

— Красавица подарила.

Цюй Линьхань закатил глаза, всем своим видом выражая глубочайшее презрение, но он то и дело косился на изящную безделушку.

— Это дочка самого правителя Цияна! — хвастливо рассмеялся Ли Мэн. — Глят-ка, вырастет — моей женой станет.

— Сразу видно, что ты далёк от цзянху, — фыркнул Цюй Линьхань. Но любопытство пересилило, и он спросил: — А чей же ты тогда человек?

— Я — человек своего наставника! — залился хохотом Ли Мэн.

Видя, как Цюй Линьхань заливается краской от двусмысленности ответа, он откинулся на спинку каменной скамьи, едва не свалившись навзничь. Приятель тут же ухватил его за воротник и принялся нещадно трясти за плечи:

— Да говори ты нормально!

Ли Мэн шмыгнул носом и мгновенно посерьёзнел:

— Ладно, если без шуток: что думаешь делать дальше? Так и будешь хвостиком за моим наставником ходить?

Цюй Линьхань надолго замолчал. Он выглядел встревоженным. Он опасливо покосился на закрытые двери кабинета Хо Ляньюня, у которых застыли двое вооружённых стражников. О чём там сейчас толковали старшие, оставалось только гадать.

— А у меня есть выбор? Отец велел идти за ним, — глухо отозвался Цюй Линьхань.

Он нервно мял полы халата на коленях своими непривычно крупными и мозолистыми для подростка ладонями.

— Мы с отцом никогда не были близки. Домашними делами я тоже не интересовался.

— А та повешенная женщина... кто она? — внезапно спросил Ли Мэн.

Цюй Линьхань вздрогнул, его лицо потемнело:

— Любимая наложница отца. Когда всё случилось, я забился в подземный ход. Просидел там дней пять — голодный, измученный. А когда наконец вылез наверх в поисках хоть какой-то еды, оказалось, что в усадьбе живых не осталось. Всё, что имело хоть какую-то ценность, слуги разграбили и растащили.

Юноша горько усмехнулся, опустив голову:

— Отец хоть и слыл человеком крутого нрава, гордецом, но челядь никогда не обижал. А они вон как отплатили.

— И как же погибла его наложница? Тело ведь совсем свежее, месяца не прошло... Только не говори, что это твоих рук дело, — Ли Мэн пытливо уставился на него.

— Да как ты мог подумать такое?! — возмутился Цюй Линьхань. — Когда я вылез в первый раз, её в усадьбе не было! А во второй раз услышал какой-то шум. Думал, стражники вернулись с обыском, а оказалось... оказалось...

Его лицо и уши мгновенно залил пунцовый румянец от смеси стыда и ярости:

— Паршивая парочка устроила там блуд! Отец ещё остыть не успел, а они уже... прямо в его доме... предали всякий стыд!

— Ну и ты, понятное дело, воспылил праведным гневом, — понимающе закивал Ли Мэн. — Кровь бросилась в голову, ты выскочил из засады, зарубил любовника, а изменницу вздернул на верёвке.

— Хватит молоть чепуху! — в сердцах рявкнул Цюй Линьхань.

Крик вышел настолько громким, что стражники у дверей удивлённо переглянулись. Ли Мэн поспешно замахал им руками:

— Всё в порядке, уважаемые, не отвлекайтесь от службы!

Охранники лишь хмуро промолчали.

— Мне и так тошно, а ты ещё издеваешься! — Цюй Линьхань сжал кулаки, в его глазах блеснули злые слёзы.

Ли Мэн примиряюще взъерошил ему волосы:

— Ладно, ладно, прости. Не ты её убил. Так отчего же она преставилась?

Цюй Линьхань тяжело задышал, пытаясь успокоиться после дурацких шуток Ли Мэна. Наконец, совладав с собой, он продолжил:

— Тот мужик был из наших чернорабочих. Они с этой девкой решили сбежать, прихватив все отцовские драгоценности. Я-то обычно только по ночам наружу выбирался, хватал на кухне крупу да вяленое мясо и обратно в подвал. Но в ту ночь услышал их спор. Подумал, что меня засекли, и притаился за мешками в кладовой. Вдруг раздался жуткий женский крик. Я выглянул в окно и увидел, как этот детина с огромным тюком за плечами крадёт к воротам. В усадьбе горел свет, дверь была распахнута. Мне сначала боязно стало, а потом думаю: чего мне её бояться? Обычная баба, если что — отмахуюсь. Мы с ней и при жизни отца частенько лаялись.

— Да уж, представляю, как у твоего батюшки голова от вас пухла. Нелёгкая мужская доля, —

вздохнул Ли Мэн.

— Не перебивай! — прикрикнул Цюй Линьхань.

Ли Мэн прижал пальцы к губам, безмолвно обещая помалкивать. Юноша перевёл дух и, понизив голос, со смесью страха и неловкости произнёс:

— Поднялся я, значит, а она уже всё... Лежит на кровати, удавкой задушенная.

— А одежда на ней была? — с неподдельным любопытством спросил Ли Мэн. — Ты не воспользовался случаем, чтобы напоследок всыпать ей горячих?

От дурацких расспросов Ли Мэна вся трагичность момента испарилась без следа. Цюй Линьхань невольно улыбнулся и легонько пихнул его в плечо:

— Знаю я, что ты просто пытаешься меня отвлечь. Ценю твою заботу, брат.

— Вообще-то мне правда любопытно, — ухмыльнулся Ли Мэн и тут же отскочил на пару шагов назад, спасаясь от неминуемой затрешины.

Цюй Линьхань лишь покачал головой, разрываясь между смехом и досадой:

— Лютый у неё конец был, что и говорить. Задушил её тот мерзавец. А одел её действительно я — негоже покойнице в непотребном виде лежать.

Ли Мэн мгновенно представил себе ту полуразложившуюся мумию, которую они нашли в усадьбе, и его передёрнуло от отвращения.

— Так, держись от меня подальше, — Ли Мэн выставил вперёд руку, отгораживаясь от приятеля. — Соблюдай дистанцию.

— Ты за кого меня принимаешь?! Я после этого руки раз сто с мылом мыл!

Но Ли Мэн на всякий случай остался стоять поодаль, поглядывая на закрытые двери кабинета. Наставник что-то задерживался.

Цюй Линьхань уныло опустил обратно на скамью и тихо добавил:

— Пришлось приспособить её тело для ловушки. А что делать? Жить захочешь — и не такое придумаешь. Всем сейчас несладко.



Ли Мэн сочувственно вздохнул. Его собственная семья тоже пострадала от невзгод, но его почти сразу забрал наставник, окружив заботой. Ван Ханьчжи же пришлось неделями выживать в опустевшем, пропахшем смертью Поместье семьи Ван, разыгрывая из себя злобного призрака, чтобы отпугивать мародёров. Ли Мэну стало искренне жаль парня. Подумав, он протянул ему своего любимца:

— Держи. Потискай кота, полегчает.

— Спасибо, — тихо буркнул тот, принимая тёплый пушистый комок и утыкаясь лицом в чёрную шёрстку.

В этот момент двери кабинета распахнулись. Чжао Лои стремительно вышел во двор, даже не оборачиваясь. Следом за ним спешил Хо Ляньюнь. Маркиз попытался было дружески положить руку ему на плечо, но предводитель Башни Десяти Направлений неуловимым движением уклонился от прикосновения.

Не тратя времени на лишние слова, Чжао Лои ухватил обоих подростков за шиворот, приподнял и потащил за собой к воротам. Поняв намёк, ребята послушно вжали головы в плечи и припустили следом.

— Пстой! — недовольно крикнул Хо Ляньюнь. — Раз уж берёшь моих коней, мог бы выслушать до конца!

— Не нужны мне твои кони, — бросил Чжао Лои, даже не замедлив шага.

— Неужели мы пойдём пешком? — испуганно пискнул Ли Мэн, силясь поспеть за широкими шагами наставника. — До Жуйчжоу путь неблизкий, учитель, пощади ноги!

Чжао Лои лишь слегка подтолкнул Ли Мэна вперёд и велел обоим мальчишкам:

— Ждите меня за воротами.

Хо Ляньюнь не на шутку рассердился, он тяжело дышал.

— Я ведь стараюсь ради блага твоих же братьев из Башни! — воскликнул он, догоняя мужчину. — От тебя не требуется ничего решать, просто передай письмо твоему наставнику. Не хочешь сам — я найду другой способ доставить его!

С этими словами маркиз выудил из широкого рукава запечатанный конверт и попытался бесцеремонно засунуть его Чжао Лои за пазуху, попутно откровенно погладив того по груди.

Чжао Лои молча выхватил письмо и на глазах у ошеломлённого Хо Ляньюня разорвал его в

клочья. Мелкие обрывки белыми хлопьями посыпались на землю. Развернувшись, он зашагал прочь.

— Ладно, шут с тобой! Забирай коней! — крикнул ему в спину маркграф Цзинъян.

— Обойдусь, — отрезал тот.

— Коней, которых ты оседлал, я всё равно себе не оставлю! — в ярости крикнул Хо Ляньюнь.

Чжао Лои ничего не ответил. Он стремительно пересёк порог усадьбы и скрылся из виду.

Хо Ляньюнь бессильно прислонился к деревянной колонне галереи. Покачав головой, он медленно опустился прямо на деревянный настил, тяжело дыша. На его утомлённом лице отразилась искренняя тревога.

Взглянув на затянутое тучами небо, он негромко произнёс:

— Над Жуйчжоу сгущаются тучи. Грядёт буря.

— И не говорите, Ваша милость, — угодливо поддакнул стоявший поодаль слуга. — Весна в самом разгаре. Если бы вы только послушались старой госпожи и пригласили тех девиц на прогулку, старая госпожа была бы несказанно рада...

Хо Ляньюнь даже не повернул головы в его сторону. Проигнорировав болтовню слуги, он молча наклонился, собрал с земли клочки разорванного письма и поспешил обратно в свой кабинет.

<http://bllate.org/book/18266/1768439>